



С л о в о,

сказанное на заупокойной литургіи, надъ гробомъ студента Академіи Колосова.

«Аще живемъ, Господи помози намъ,
аще же умираемъ, Господи помози
умираемъ. Аще убо живемъ, аще
умираемъ, Господи помози» (Рим. 14, 8).

При видѣ гроба, при видѣ *смерти* встаетъ вопросъ, разрѣшеніе котораго могло бы послужить болашимъ утѣшеніемъ въ смерти близкаго намъ человека и лучшимъ наставленіемъ намъ, живущимъ, чѣмъ вопросъ о *жизни*, о ея смыслѣ и цѣли. Если этотъ вопросъ вообще и безъ того часто волнуетъ насъ и заставляетъ насъ напрягать наши душевные силы съ цѣлю его разрѣшенія, то теперь, при данныхъ обстоятельствахъ, когда мы видимъ передъ собой смерть, смерть равную, преждевременную, вопросъ этотъ съ особою силою отрапмною снлою возникаетъ предъ нами. Въ самомъ дѣлѣ, юноша, всю свою недолгую жизнь проведеній въ трудахъ ученія, въ трудахъ подготовленія къ жизни, которая ждала его впереди, умираетъ, — умираетъ тогда, когда жизнь эта готова была распахнуть предъ нимъ свои двери. Добрые порывы остались безплодными. жажда дѣятельности не удовлетворенною, надежды близкихъ его лицъ не осуществленными. Гнетущее чувство неразрѣшимаго недоумѣнія и тяжелой скорби при видѣ этого событія ставитъ предъ нами томительный вопросъ: гдѣ же цѣль нашей жизни? Для чего жить, если,

нашъ товарищъ, для чего живемъ *мы*? Правда, скажутъ живущіе: для *насъ* этотъ вопросъ впереди и жизнь принесетъ намъ разрѣшеніе его. Но мы видимъ предъ собою своего товарища, жизнь котораго уже окончена. Гдѣ же цѣль *его* жизни? Или наши цѣли различны, и то, что, можетъ быть, доступно для *насъ*, для него не осуществилось и погребло навсегда? Нѣтъ, для всѣхъ *насъ* должна быть и есть одна общая цѣль жизни. Гдѣ же мы найдемъ такое разрѣшеніе этого вопроса, которое указало-бы намъ истинный смыслъ жизни и смерти, примирило бы *насъ* съ тяжелою для *насъ* дѣйствительностію смерти нашего товарища, уяснило намъ истинный смыслъ *его* жизни, и вмѣстѣ указало бы и *намъ* настоящую цѣль *нашей* жизни и нашей дѣятельности?

„Съ самыхъ первыхъ временъ существованія рода человѣческаго много людей занималось рѣшеніемъ этого вопроса. И много умовъ колебалось, и много сердецъ разболѣлось въ сомнѣніи и отчаяніи при безвыходныхъ трудностяхъ въ разъясненіи этого вопроса. Много съ незапамятныхъ временъ сохранилось и отвѣтовъ на этотъ вопросъ для памяти и поученія позднѣйшимъ поколѣніямъ. Но мало подвинулось впередъ разъясненіе вопроса. Иногда въ человѣкѣ, изнемогающемъ въ бесплодныхъ усиліяхъ приблизиться къ рѣшенію его, являлось желаніе какъ бы убѣжать отъ него, забыть его, вырваться изъ глубины ума и сердца“. Но, на время заглушаемый, онъ подъ вліяніемъ особыхъ обстоятельствъ жизни возникаетъ съ новою, еще большею силою, и чувствуется человѣку въ глубинѣ его ума и сердца, что ему никогда не отдѣлаться отъ этого вопроса, что онъ не можетъ забыть, уничтожить его, не отказавшись отъ своей сущности, не переставъ быть человѣкомъ. И нѣтъ другого обстоятельства жизни, другого событія, которое съ большою силою напоминало бы намъ объ этомъ вопросѣ, какъ смерть.

И вотъ вопросъ этотъ теперь предъ нами. Ты, почившій нашъ товарищъ, ты, уже окончившій жизнь свою, ты

своею смертію напомнимъ намъ о нашей жизни, т
вниъ его намъ, ты и помози намъ въ распрѣшеніи ея

Давно уже, еще въ самой глубокой древности, и
вать голосъ, звавшій людей къ жизни, какъ къ сча
наслажденію: „Низвущій, пользуйся жизнью, пока ж
спѣши взять отъ нея все, что можешь. Въ эту ми
жизни счастья, ищи и ты и старайся *воспользоваться*
ни всѣмъ тѣмъ, что она можетъ дать тебѣ пріятна
чѣмъ больше успѣешь захватить отъ жизни насла
тѣмъ больше твое счастье“!

Что же? Не воспользоваться ли намъ этому голосу?
жизнь вперед. Для насъ уже недалеко то время,
отворятся предъ нами двери жизни и мы вступимъ въ
готовые осуществлять въ ней свои цѣли. Начнемъ
въ ней своего счастья, начнемъ выхватывать изъ не
что она можетъ дать намъ пріятнаго, и будемъ счастли
Но, остановимся на минуту. Чей это иной голосъ ми
шимъ?—„Вотъ вы идете наслаждаться жизнью. Ка
оставляете *меня* одного“?—говорить намъ изъ гроу
чившій. Если вы нашли свой смыслъ жизни въ осуще
ніи своихъ мечтаній о земномъ счастьи, каковъ же с
и какова цѣль жизни моей? Въдъ я жилъ вмѣстѣ съ
трудился вмѣстѣ съ вами, я долженъ былъ раздѣля
вами ваши надежды, ваши мечты,—почему же я не
лю съ вами ихъ осуществленія? Или жизнь имѣетъ
только для нѣкоторыхъ? Въдъ до сихъ поръ я си
испытывалъ счастья, я трудился и готовился къ э
жизнь моя была вперед, и вотъ ея уже нѣтъ! И не
останавливаетъ насъ этотъ голосъ и опять неразрѣ
загадка жизни встаетъ предъ нами. А что, если
умремъ прежде, чѣмъ увидимъ осуществленіе хотя
доли того счастья, о которомъ мы, можемъ быть, мечт
Гдѣ же тогда будетъ цѣль нашей жизни? Нѣтъ, *она*
не для счастья, не для наслажденія дана намъ жизнь.

въ немъ смыслъ ея. Если смыслъ этотъ хотя одинъ разъ, хотя для одного человѣка, можетъ не осуществиться, — онъ уже не есть настоящій смыслъ. И чувствуется, что холодно и жутко станетъ жить на свѣтѣ, если всѣ начнутъ заботиться лишь о себѣ, о своемъ счастьи. И какъ не прочно будетъ это счастье! Грозный образъ неумолимой, всесильной смерти, вырывая изъ среды нашей то одного, то другого, постоянно будетъ разрушать самообольщеніе такихъ мнимыхъ счастливицевъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за счастье, которое каждую минуту можетъ разрушиться, да и возможно ли оно? Нѣтъ, невозможно: *„Какъ житейская сладость пресбываетъ печали не причастна“*, — слышимъ мы голоса изъ гроба, и для насъ понятна дѣлается невозможность и недостаточность такого счастья. А что если въ этомъ исканіи счастья стремленія людей столкнутся между собою? Тогда начнется борьба, которой мы не видимъ ни конца, ни смысла, и гдѣ ужъ тогда искать личнаго счастья!

И вновь задумался человѣческій разумъ и измыслилъ новую цѣль жизни. Да, говорить онъ, надо жить не для своей личной цѣли, — нужно жить для человѣка вообще, — для человѣчества. Здѣсь не требуется ни самоотверженная любовь къ человѣку, ни жалость къ нему, какъ къ отдѣльной личности. Нужно служеніе человѣчеству вообще, въпрямь, будущему человѣчеству. Нужно работать на общую пользу. Каждый долженъ внести свою работу, долю своего труда на пользу общаго усовершенствованія жизни. Жизнь будетъ развиваться, будетъ развиваться и человѣкъ, и вотъ, наконецъ, достигнетъ высшаго совершенства, когда онъ устранилъ изъ жизни все то, что теперь мѣшаетъ его счастью, установитъ самый удобный порядокъ взаимныхъ отношеній, при которомъ интересы отдѣльныхъ личностей уже не будутъ сталкиваться, и начнется тогда блаженная жизнь человечества на землѣ! Что за бѣда, если до этого времени будетъ потрачена масса силъ и трудовъ человѣческихъ, если

ли достиженіи этого будущаго состоянія будутъ, пропита потоки пота, слезъ и крови человѣческой,—не зачѣмъ жалѣть отдѣльныхъ личностей—за то человѣкъ создастъ въ концѣ концовъ совершенную жизнь и совершеннаго человѣка, хотя бы онъ былъ всего одинъ на землѣ. Вотъ смыслъ и цѣль жизни.

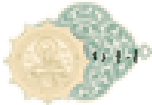
Но мы снова слышимъ изъ гроба голосъ: „Нѣтъ, не можетъ быть это цѣлю жизни: вотъ я уже окончилъ жизнь свою, гдѣ же для *меня* тогда цѣль жизни? И мы несомнѣно переносимъ этотъ голосъ и на себя. Гдѣ же для *насъ*, для насъ *лично* тогда будетъ цѣль жизни? Пусть мы потрудились, внесли въ общую чашу трудовъ свою дань, пусть въ концѣ концовъ человѣчество достигло того, къ чему стремилось, воспользовавшись отчасти и нашими трудами. При чемъ же мы здѣсь? Жить, трудиться, послужить орудіемъ для пріобрѣтенія неизвѣстно каковаго, когда и какъ достижимаго, счастья и умереть даже не увидѣвъ его и сомнѣваясь въ его возможности.—Нѣтъ, это не можетъ быть цѣлю нашей жизни. Здѣсь слишкомъ возвеличивается человѣчество и слишкомъ принижается личность. Да и возможно ли это развитіе человѣка и человѣческой жизни до полнаго совершенства здѣсь на землѣ? Не обманетъ ли насъ эта вѣра въ человѣка: не видимъ ли мы, что человѣчество въ своемъ развитіи не всегда идетъ впередъ? Но если бы и достигло оно своихъ стремленій, не въ правѣ ли мы были бы спросить этого будущаго человѣка: что же дальше, гдѣ же дальнѣйшая цѣль жизни,—и не получили бы отвѣта? Нѣтъ, не можемъ мы ставить цѣлю жизни и служеніе человечеству, если оно само не побѣгъ цѣли выше своего земнаго, човѣческаго бы существованія: „*кая ли слава сущиши на земли непереложна*“,—слышимъ мы изъ гроба, и отказываемся принять это измышленіе человѣческой мудрости. Да и мудрости ли, или безумія,—это еще вопросъ.

И вотъ вновь задача жизни стоитъ предъ нами неразрѣшенною. Вновь душа болитъ недоумѣніями, разочарованіями и сомнѣніями. Гдѣ же намъ теперь искать цѣли и смысла жизни? Гдѣ, наконецъ, нашъ разумъ остановится и успокоится? Прислушаемся вновь къ голосу изъ гроба: гдѣ онъ, нашъ товарищъ, покончившій уже счеты съ жизнью, гдѣ онъ ищетъ успокоенія? „Во свѣтъ, Христѣ, лица Твоего упокой“, отвѣчаетъ онъ устами молящейся за него Матери-Церкви. Вотъ при какомъ свѣтѣ, при свѣтѣ Христовомъ, ясною для насъ дѣлается цѣль нашей жизни. „Аще живель“, говоритъ намъ Божественное Откровеніе, — „Господевѣ живель, аще же умираемъ, — Господевѣ умираемъ. Аще убо живель, аще умираемъ, Господни есмы“. Вотъ какую цѣль жизни указываетъ намъ слово Божіе! Эту же цѣль жизни проповѣдуетъ намъ и наша наука, та наука которой посвятилъ свои силы и почившій. „Приди ты, божественный свѣтъ Откровенія, сохраняющійся въ нашей мирной наукѣ! Въ тебѣ одномъ остается отрада для истерзаннаго скорбями сердца человѣческаго; ты одинъ восклоняешь главу страдальца земли и указываешь ему на небо, какъ его покровъ, какъ его надежду, какъ его правый судъ и вѣнецъ“. Вотъ откуда изливается въ душу истинное утѣшеніе: покой вѣры, миръ упованія, улада любви всеобъемлющей всеумиротворяющей! Итакъ жизнь въ Богѣ и для Бога — вотъ цѣль нашего существованія, вотъ гдѣ мы находимъ и утѣшеніе въ смерти умершихъ и смыслъ жизни для живущихъ. Что же, исключается ли этою основою жизни, жизнь для себя и другихъ? Нѣтъ, не только не исключается, но еще получаетъ высшій смыслъ, высшее значеніе. Живи и для себя, но не ставь свою жизнь, свое счастье исключительною своею цѣлью, тогда и жизнь твоя сложится и потечетъ такъ, какъ должно: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мѡ 6, 33). Живи и для другихъ, для человѣчества, служи ближнему,

но не поставивши цѣлю для своей жизни лица, одно земное достоинство человека и его земное благосостояніе. Служимъ ему, но во имя Христова, во имя его вѣснаго званія и назначенія твоего собственнаго, и только тогда ты принесешь ему пользу истинную, которая, хотя, может быть, сразу и не будетъ такъ видна и ощутительна, какъ видны и ощутительны для всѣхъ плоды работы человеческихъ на пользу матеріальнаго благосостоянія его, но божіе существовавіе, болѣе полезно.

При свѣтѣ Откровенія понятнымъ для насъ становится и смыслъ жизни нашего почившаго товарища. И онъ „для Господевя“, въ надеждѣ служить и работать во славу имени Его и „умеръ Господевя“, въ надеждѣ живота вѣчнаго. Жизнь его, слѣдовательно, имѣла и смыслъ и цѣль. Это недолгую жизнь, которую онъ провелъ съ нами, онъ посвятилъ трудамъ надъ тою наукой, которая именно имѣла своею цѣлю разрѣшеніе того вопроса, какъ жить Господевя. Пусть онъ не успѣлъ еще принести въ жизнь плодовъ трудовъ своихъ,—все-таки жизнь его имѣетъ для него цѣль, смыслъ, потому что жившій Господевя Господствъ ему. Для кого жизнь была „во Христѣ“, для того и смерть не утратъ не лишеніе, но „пріобрѣтеніе“ (Фил. 1, 21). Имѣетъ смыслъ его жизнь и для другихъ. Мы, живущіе въ товарищескомъ кругу, хорошо знаемъ по опыту, что значить товарищеское общеніе, товарищескія бесѣды и какъ сильно бываетъ средъ насъ вліяніе другъ на друга. Добрый же человѣкъ ужасно однимъ полезенъ, что живетъ въ обществѣ.

Господь закрылъ для него болѣе широкое поле дѣятельности. Не будемъ судить о цѣляхъ Промысла Божіа, и путіе Божіи не якоже путіе человеческіе (Ис. 55, 9), будемъ вѣрить, что по любви своей Онъ не далъ ему испытать тѣхъ разочарованій въ жизни или тѣхъ несчастій, которыя, быть можетъ, ждали его впереди. Да и можно замѣрять количественно человеческую дѣятельность?



Итакъ, для насъ теперь ясна загадка жизни, ясенъ и смыслъ жизни нашего почившаго товарища, и въ томъ мы находимъ утѣшеніе въ этомъ тяжеломъ и горькомъ для насъ событіи. Теперь мы скорбимъ о немъ, уже не якоже „не имущіе упованія“. Мы скорбимъ потому, что намъ тяжело разстаться съ нимъ, но не предъ якобы неразрѣшимой и безутѣшной загадкой его жизни. Мы вѣримъ, что онъ умеръ для жизни и, потерявъ жизнь временную, приобрѣлъ вѣчную. Да дастъ Господь и намъ силы, дабы мы, живя Господевн, умерли Господевн и, какъ Господни, встрѣтились съ нимъ тамъ, гдѣ, по нашей вѣрѣ, теперь пребываетъ душа его. Аминь.

В. Богдановичъ.